

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2026.1.49.6

УДК 316.3 | ББК 60.54

© Семенова Ю.А., Щанина Е.В.

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СТАТУСА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА СЕМЕНОВА

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

имени Н.Г. Чернышевского

Саратов, Российская Федерация

e-mail: semenofa@gmail.com

ORCID: [0000-0001-6832-3795](https://orcid.org/0000-0001-6832-3795) ResearcherID: [D-7012-2013](https://orcid.org/0000-0001-6832-3795)

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЩАНИНА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

e-mail: shchanina@mail.ru

ORCID: [0000-0002-6834-1886](https://orcid.org/0000-0002-6834-1886) ResearcherID: [A-9553-2017](https://orcid.org/0000-0002-6834-1886)

Старение населения оказывает все больше влияния на общество и социальные институты, заставляя государство уделять этой проблеме все больше внимания. В статье исследуется динамика численности и социально-экономического положения пожилых людей в России с древнейших времен до наших дней. В качестве методов были использованы исторический анализ – изучение архивных данных, литературных источников и научных публикаций; демографический анализ – обработка статистических данных о численности и возрастной структуре населения; социологический подход – анализ социальных ролей и статуса пожилых людей в разные исторические периоды; сравнительный метод – сопоставление данных по России с международными тенденциями. Эти методы позволили проанализировать исторические, демографические и социальные факторы, влияющие на изменение статуса и роли старшего поколения в обществе. Установлено, что на протяжении веков происходит не только трансформация понятия старости, но и ее восприятие обществом в целом. Анализ социально-экономического положения старшего поколения позволяет констатировать его сложность и зависимость от ряда факторов, которые ограничивали пожилых людей иногда даже в базовых нуждах (чаще всего пожилые находились на иждивении своих детей или других родственников, отсутствие средств к существованию, ограниченная занятость в связи с состоянием здоровья). Особое внимание

уделено трансформации системы социальной поддержки, современным вызовам, связанным со старением населения, и государственным мерам по адаптации к этим изменениям. Результаты исследования могут быть полезны для разработки социальной политики и программ поддержки пожилых людей.

Старение населения, социально-экономическое положение, пенсионная система, демографические изменения, исторический анализ, социальная политика.

Введение

Старение населения является глобальной тенденцией, требующей комплексного подхода к решению социально-экономических проблем. В России этот процесс усугубляется историческими и демографическими особенностями, что делает исследование особенно значимым.

Обращаясь к анализу социально-экономического положения старших возрастных групп и его динамики применительно к России, подчеркнем, что информация о демографической ситуации, возрастной структуре и социально-экономическом положении представителей отдельных групп населения Древней Руси, по мнению исследователей, является малоизученной. Это обстоятельство связывается с недостатком документальных источников, которые дают только общее представление о численности населения жителей Руси при помощи историко-географических, социальных и военных сведений. Несмотря на это, целым рядом исследователей (Б.Ц. Урланис, М.Н. Тихомиров, А.И. Яковлев, Г.В. Вернадский, Х. Ловманьский, Дж. Руссел, К. Макэведи, Р. Джонс) были разработаны методики (математическое моделирование, ретроспективный анализ, сравнительный анализ и т. д.) для расчетов количества людей, проживающих на территории Древней Руси (Ткачев, 2024, с. 51). Так, Б.Ц. Урланис приводит данные о том, что в начале XI века на ее территории проживало 4,5 млн человек (Урланис, 1941, с. 436). Схожие числа (не более 4,5 млн человек) были показаны Х. Ловмянским (Lowmiański, 1953, р. 242). Используя два различных метода при подсчете количества проживающих на Руси в XI–XII веках, А.И. Яковлев отмечает числа 7,5

и 7,9 млн человек, сопоставляя их с количеством проживающих на территориях Европы или Северной Америки (Яковлев, 1943, с. 298). Данные результаты не сильно разнятся с показателями зарубежных авторов и относятся примерно к этому же периоду (McEvedy, Jones, 1978, р. 152). М.Н. Тихомиров, проводя сравнительный анализ IX–X и XIII веков, исследовал количество городов на Руси и численность их жителей. По его подсчетам, за три века количество городов увеличилось с 25 до 300. При условии численности населения среднестатистического города в 1000 человек на Руси насчитывалось 300000 человек, проживающих в городах. А общее количество человек определялось в пределах от 4,5 до 6 млн человек¹. Более точные демографические данные, например о половозрастной структуре, в исследованиях не представлены, даже с учетом того, что в Древней Руси начиная с IX века проводились переписи населения, результаты которых не сохранились до нашего времени.

Более предметно исследована тема восприятия старости обществом и, соответственно, социально-экономического положения пожилого человека, так как она раскрыта в древнерусских литературных источниках.

Научная проблема исследования социально-экономического положения пожилых людей в России от Древней Руси до современности заключается в выявлении преемственности и изменений в системах поддержки старшего поколения в разные исторические периоды. Увеличение доли пожилых людей, с одной стороны, обуславливает возникновение ряда серьезных проблем (увеличение финансовой нагрузки на пенсионную систему, здравоохранение),

¹ Численность населения Древней Руси. URL: <https://mednolit.com/chislennost-naseleniya-drevnej-rusi>

с другой стороны, открывает новые возможности, связанные с активным использованием человеческого капитала пожилых людей, их активным участием во всех сферах жизни общества. В настоящее время накоплен огромный исторический опыт ухода за пожилыми людьми, однако теоретическое осмысление его недостаточно, всесторонне не изучен опыт использования потенциала пожилых людей как активных участников процесса общественного развития.

Методы исследования

В качестве методов в ходе работы применялись: исторический анализ – изучение архивных данных, литературных источников и научных публикаций; демографический анализ – обработка статистических данных о численности и возрастной структуре населения; социологический подход – анализ социальных ролей и статуса пожилых людей в разные исторические периоды; сравнительный метод – сопоставление данных по России с международными тенденциями.

Эволюция социально-экономического положения пожилых людей в России

В Древней Руси, подобно другим традиционным культурам, роль старшего поколения имела порой диаметрально противоположную направленность. С одной стороны, ярко проявлялся геронтоцид, по причине того что старики становились обузой для общества, или они сами стремились уйти в мир иной и приобрести привилегированный статус, с другой стороны, представителей старшего поколения уважали как носителей мудрости и хранителей общественных традиций.

Так как нами образ старости рассматривается со времени основания древнерусского государства, не охватывая период межпоколенческого взаимодействия членов общины в племенах до появления Древней Руси, важно отметить, что в русской культуре преобладало почтительное отношение к пожилым людям, главная функция которых состояла в сохранении традиций и передаче их младшему поколению (Бочаров, 2017,

с. 159). Это подтверждается в исследовании М.В. Фирсова, где указывается факт зарождения в семьях древних славян во времена язычества института старцев, задача которого заключалась в проведении языческих обрядов и принесении жертв (Фирсов, 1999).

Однако в период после крещения Руси в социальной жизни произошли определенные трансформации, что было напрямую связано с искоренением язычества и постепенным ослаблением общинного типа взаимоотношений. Если ранее пожилые люди выполняли функции языческих жрецов и проводили обряды, что укрепляло их статусно-ролевое положение, то с приходом единой христианской веры необходимость в старцах-жрецах утрачивается. Препятствием для опыта пожилых людей, их знание традиций, обрядов, норм и правил также становились неактуальными, на смену приходила Библия, которая своим сводом правил наставляла людей на новый образ жизни, люди шли за советом в церковь, а не к старцам, как раньше. В результате власть и востребованность пожилых людей сводились к минимуму. В большинстве своем русские крестьянские семьи были расширенными и многопоколенными, поэтому заботу о младших членах семьи – детях и подростках – доверяли пожилым людям, поскольку это была условно посильная работа для стариков, а с другой стороны, помимо присмотра/заботы, пожилые люди могли обучать детей необходимым для крестьянской жизни навыкам. Условно данным действием решалась задача заботы о двух самых социально уязвимых категориях населения: пожилые занимались с детьми, а дети давали пожилым людям почувствовать свою значимость и оказать тем самым помощь семье. Но, несмотря на это, жизнь стариков в русских деревнях была омрачена трудностями быта. Их провоцировала нищета большей части крестьянского сословия, из которой следовала нехватка продовольствия для всех членов семьи. Тем не менее, несмотря на утрату пожилыми людьми прежней значимости в формате политического и социально-экономического влияния на все стороны

жизни общества, они продолжали пользоваться заботой со стороны своей семьи, так как данный формат взаимодействий формировался столетиями и лишь усиливался библейскими заповедями заботы о ближнем. Данное положение в конце X века было закреплено Уставом Князя Владимира. Одним из основных его положений стала защита тех категорий граждан, которые не могли работать и самостоятельно о себе заботиться. Также, несмотря на смену религии, представители старшего поколения оставались носителями традиций, знаний и опыта предков и транслировали их своим потомкам.

В текстах древнерусских летописей встречается описание активного участия пожилых людей в трудовой и коллективной жизни общины (Нагорнова, 2016, с. 5) – в народных собраниях (вече) (Смирнова, 2012, с. 73), где мнение старцев влияло на принятие важных решений (Нагорнова, 2016, с. 5). Например, в «Повести временных лет» подчеркивается влияние старшего поколения в совещательной работе вече, которое контролировало деятельность князей (Смирнова, 2012, с. 127). Помимо совещательного органа у «института старейшин» была еще одна немаловажная функция – проведение обрядов. Проведение языческих обрядов, например жертвоприношения, всегда поручалось наиболее старым людям общины, старейшинам родов. На Руси в период существования общества традиционного типа подобные ссылки на обычаи предков, опыт пожилых людей при решении важных вопросов являлись определяющими, поскольку темп социальной жизни был не таким быстрым. В частности, из-за этого у жителей Древней Руси возраст оставался главным фактором для определения социального статуса и понимания роли в семейной/родовой/общинной иерархии. Постепенно община предопределила отношение к людям, не являющимся активными участниками трудовой и коллективной жизни, появилась традиция заботы о слабых и немощных членах общины. Впоследствии

эта модель поведения в отношении уважения к родителям и пожилым людям останется в русской культуре и будет прописана в «Домострое»². М.Г. Волотова подчеркивает, что забота о родителях в старости является главной обязанностью детей (Волотова, 2016, с. 17). Во времена правления Ивана IV социально-экономическое положение пожилых граждан характеризовалось как зависимое, нуждающееся в поддержке, что стало предметом обсуждения на Стоглавом соборе 1551 года (Нагорнова, 2016, с. 6). Согласно принятому положению, проводились переписи «прокаженных и пристаревших», для которых на пожертвования и государственные средства в каждом городе открывались первые богадельни. А.Ю. Нагорнова выделяет разные формы поддержки пожилых людей. Так, например, если семья не поддерживала стариков, то заботу о них брала на себя община. Наиболее частыми вариантами общинной поддержки выступали выделение пожилому человеку части земли для заготовки на зиму сена, или его определение на постой в чужую семью, где старик мог получить ночлег и питание на несколько дней, после чего он переходил в другой двор, или проживание недалеко от общины за счет подаяния (Нагорнова, 2016, с. 5). Подобная форма милости существовала, по данным исследователей, вплоть до XVI века (Нагорнова, 2016). С.П. Никонов отмечает, что пожилые члены семьи являлись «...тяжким бременем («захребетники») для своих близких в тех семьях, <...> ныне влача свое печальное существование вечно впроголодь, с постоянными попреками в дармоедстве» (Гордин, 1988, с. 16). Иначе говоря, социально-экономическое положение старшей возрастной группы в России характеризовалось противоречивыми тенденциями на протяжении многих веков.

Таким образом, в Древней Руси наблюдается трансформация социально-экономического положения старшего поколения. Почтенная жреческая функция стариков в языческие времена сменяется на закрепленные в Библии с

² Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская. СПб., 1994. С. 97.

принятием христианства уважение к пожилым людям и заботу о них, что сформировало первые, закрепленные документально, формы социальной поддержки. Несмотря на положительные тенденции в отношении к старшему поколению, исследователи отмечают наличие дискриминации пожилых людей в социально-экономической сфере.

Информация о демографической ситуации и возрастной структуре населения в Древней Руси в средние века очень скудна. По мнению А.С. Усачева (Усачев, 2014 с. 58), это объясняется тем, что в настоящее время количество материала по этой теме ограничено, несмотря на то, что идет его интенсивный сбор (Чернов, 2009, с. 130). Важно отметить, что большая часть работ по демографии России периода XV–XVI веков посвящена численности, распределению и миграциям населения (Водярский и др., 2013, с. 299), что не позволяет исследовать возрастную структуру в целом и феномен старости в частности. О возрасте старости, а также возрасте дожития и продолжительности жизни можно узнать только из литературных источников. Так, например, для средневековой эпохи характерны агиографические источники, в которых мы находим отсылки к доживанию некоторых индивидов до возраста «глубокой старости» (Усачев, 2014, с. 58).

Согласно подсчетам В.А. Кучкина, средняя продолжительность жизни московских князей составляла 40–42 года, а общий возраст дожития – от 30 до 50 лет (Кучкин, 2013, с. 6). По данным археологических раскопок (раскопки кладбищ), средний возраст населения варьировался от 32,3 до 43,8 года (Алексеева, Бужилова, 1996, с. 70). Долгожителем среди князей считался Иван III, который прожил до 65 лет и до конца жизни управлял страной, но его правление было номинальным (Зимин, 1967, с. 21) по причине болезней (Бегунов, 1964, с. 209). Его возраст считался предельным для представителя светской элиты общества (Конявская, 2007, с. 178).

Другими источниками о восприятии возраста старости являются памятники древне-

русской книжности (трактат «Семь степеней человеческого возраста» Максима Грека, апокрифическое «Сказание, Какое Сотвори Богъ Адама»), где отмечено, что старость наступает в 50–60 лет³. Исследователи приходят к выводу о том, что «среднестатистический человек, перешагнувший 50- и тем более 60-летний рубеж, в России в XVI в. рассматривался как лицо, достигшее весьма преклонного возраста, связанного с наступлением «немощи», резко снижавшей трудоспособность» (Усачев, 2014, с. 60).

Более поздний возраст наступления старости отмечался у духовных лиц, проживающих в монастырях (например, об этом упоминает летопись Кирилло-Белозерского монастыря). Обычно возраст старости характеризовался как «глубокий», «великий», «честный», «святолепный», «маститый» («почтенный» и «уважаемый»), определялся в 60–70 лет и сопровождался немощью, которая выступала в качестве неотъемлемого атрибута старости и была признаком святости (Усачев, 2014, с. 62).

Отдельного внимания заслуживают долгожители, среди которых встречался возраст 80 и даже 100 лет. Однако подобные случаи чаще всего являлись исключением из правил. Об этом пишет А.С. Усачев, отмечая, что упоминание такого возраста в литературных источниках, скорее всего, основывается на недостоверной информации, отмеченной в правых грамотах XV–XVI вв. (неверное описание воспоминаний старожилов, интерпретация ими событий, произошедших еще до их рождения; редкость встречающихся людей-долгожителей; ошибки в восприятии старожилов; упоминания «круглых» цифр – 60, 70, 80, которые характерны для приблизительных вариантов описания, и т. д.) (Усачев, 2014, с. 64). Тем не менее, несмотря на сомнительные данные, ученые утверждают, что среди людей были долгожители, доживающие до 80 и 90 лет, своим примером свидетельствовавшие о существовании практик помощи и заботы со стороны семьи, родственников, общины, церкви.

³ Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Сергиев-Посад, 1911. Ч. 3. 191 с.

Анализ социально-экономического положения старшего поколения позволяет констатировать его сложность и зависимость от ряда факторов, которые ограничивали пожилых людей иногда даже в базовых нуждах. Причиной этому, как отмечает А.Ю. Нагорнова, было то, что пожилые чаще всего находились на иждивении своих детей или других родственников ввиду отсутствия средств к существованию. Вариантов заработка у стариков было немного, к тому же работы были возможны, только если позволяло здоровье, и осуществлялись в домашних условиях (ремесленные работы и труд в сельском хозяйстве) (Нагорнова, 2016, с. 5).

Помимо родственников, нуждающиеся старики могли получать поддержку от церквей и монастырей, занимающихся социальной помощью. В приходах и монастырях для поддержки пожилых и бедных людей осуществлялись благотворительные кормления и подавание милостыни. Князья и княгини, в свою очередь, также активно занимались благотворительностью, подавая тем самым пример другим в том, что даже небольшая помощь может быть очень значимой для нуждающихся.

Расширенный формат социальной помощи появился в правление династии Романовых. В 1670 году был учрежден Приказ построения богаделен, а в 1682 году в Указе «О мерах государственного призрения» государство официально выделило группы нуждающихся, которым с того момента оказывалось отдельное внимание, в частности прописывалось, что «...увечных и старых людей по смерти кормить». Этот указ снизил количество пожилых людей, нищенствовавших на улицах в поисках пропитания.

Петровская эпоха, характеризующаяся трансформацией во всех сферах жизнедеятельности и модернизацией государственного аппарата, привнесла изменения в социальную поддержку нуждающихся. Указы, изданные Петром I в 1701 году, предусматривали назначение для больных и немощных «кормовых денег» и устройство в богадельни, которые продолжали создаваться в формате этой помощи (Нагорнова, 2016, с. 6).

В послепетровские времена развитие системы социальной помощи продолжилось, однако старики оставались нуждающимися под влиянием социально-экономических факторов. Особенностью этой эпохи можно назвать появление интереса к саморазвитию и своим увлечениям у представителей обеспеченных слоев населения (государственных служащих, придворных, военнослужащих), которым не приходилось выживать. Из чего можно предположить, что реализация и раскрытие потенциала пожилых людей основывались на традиции уважительного отношения к старым людям. Большинство пожилых людей составляли неработоспособную часть населения по причине наличия хронических болезней, которые появлялись в связи с тяжелым физическим трудом и условиями проживания (Нагорная, 2016, с. 6).

Таким образом, рассматривая феномен старости на протяжении нескольких эпох в истории России, мы можем сделать вывод о том, что восприятие возраста старости обществом в разные периоды различается незначительно (табл.). Отношение к пожилым людям в большинстве своем оставалось почтительным, уважительным, требующим заботы и поддержки, что постепенно на законодательном уровне стало перерастать в систему социальной помощи. К середине XVIII века среди пожилых людей из представителей привилегированных слоев населения, кому не нужно было думать о выживании, встречаются те, кто начинает заниматься предпринимательством, что выражается в сохранении активности и работоспособности в интересующих их нишах. В рассматриваемый временной промежуток мы не можем наблюдать активную реализацию трудового или творческого потенциала большей части пожилых людей, потому что она была доступна лишь единицам.

Государственные пенсии, появившиеся во второй половине XVIII века, на которые пожилой человек мог бы себя содержать, были адресованы привилегированным слоям населения (государственным служащим, придворным, военнослужащим). А крестьянской части пожилых людей, кото-

Таблица. Эволюция социально-экономического положения пожилых людей в России

Исторический период	Социально-экономическое положение старшего поколения	Источник информации
Первобытный период	Низкий статус	Хохлов А.А. (2010). Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохе энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург, Самара, Донецк. Богданаш А.В. (2020). Половозрастная структура населения по материалам погребальных памятников эпохи энеолита Среднего Поволжья // Самарский научный вестник. Т. 9. № 4.
Древняя Русь	От практик геронтоцида до привилегированного статуса	Домострой (1994). СПб., Смирнова Т.В. (2012). Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1-1. Нагорнова А.Ю. (2016). Ретроспективный анализ социальной помощи пожилым людям в России // Пожилые люди: стратегии социальной помощи: коллективная монография. Ульяновск. Волотова М.Г. (2016). Экономические и семейные отношения в концептуальной системе домостроительства в поучительных текстах русского православия XI–XIX веков (на примере «Домостроя») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1-1 (55). Размахов К.Е. (2019). Вече в механизме Древнерусского государства X – начала XIII века // Труды Академии управления МВД России. № 4 (52).
Средние века	Низкий статус	Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе (1911) / [предисл.: послушник Моисей] – [Сергиев Посад]: Св.-Троицкая Сергиева лавра, собственная тип., 1910–1911. В 3 т. Ч. 3: Разные сочинения. Усачев А.С. (2014). «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (55). Нагорнова А.Ю. (2016). Ретроспективный анализ социальной помощи пожилым людям в России // Пожилые люди: стратегии социальной помощи: коллективная монография. Ульяновск.
Новое время	Низкий статус	Указ № 1856 «Об определении в домовые Святейшего Патриархата богадельни нищих, больных и престарелых» от 8 июня 1701 года. Нагорнова А.Ю. (2016). Ретроспективный анализ социальной помощи пожилым людям в России // Пожилые люди: стратегии социальной помощи: коллективная монография. Ульяновск.
Новейшее время	Низкий статус	Фролькис В.В. (1988). Старение и увеличение продолжительности жизни. Ленинград. 239 с. Барбасова С. (2009). Обзор государственной политики СССР в области пенсионного обеспечения граждан // Вестник БИСТ. № 4 (4). Коленкина А.А. (2015). Исторический аспект в изучении социальной защиты населения в России // Эпоха науки.

Источник: составлено авторами.

рая составляла большую часть этой возрастной группы, оставалось все так же рассчитывать на помощь детей и родственников, оказывая им посильную помощь в быту.

Следовательно, основываясь на вышесказанном, мы можем констатировать, что в рассматриваемый исторический период возможности реализации и раскрытия социально-экономического потенциала пожилых людей характеризуются дихотомией. До крещения Руси возраст человека обеспечивал

высокий социальный статус как в роду, так и в общине, давал возможность пожилым людям в полной мере реализовывать свой опыт, знания и умения, тем самым принимать участие в важных социально-экономических и управленческих решениях. Однако с утратой традиционного базиса старчества пожилые люди из управленцев превратились в «нянек» и «захребетников», а их опыт, знания и потенциал больше не могли реализовываться в должной мере, к ним начали обращаться за

совета́ми в меньшей степени. Исторический период после 988 года стал временем выживания пожилых людей.

Подводя итоги, важно отметить, что на протяжении веков происходит не только трансформация понятия старости, но и ее восприятие обществом в целом. С улучшением санитарно-гигиенических и социально-экономических факторов изменяется возрастная структура общества, что дает возможность исследовать старость как социальный феномен, используя при этом междисциплинарные методы, которые помогают посмотреть на объект исследования с разных ракурсов.

Социально-экономическое положение пожилых людей с советского периода по настоящее время

В конце XIX века средняя продолжительность жизни в царской России была ниже, чем в европейских странах и в ряде стран Азии: в 1896–1897 гг. для мужчин – 31 год, для женщин – 33 года (Фролькис, 1988, с. 239). Социально-экономическое положение различных возрастных групп населения было тяжелым, что связано с развитием в стране капиталистических взаимоотношений, которые вели к трансформации всей социальной структуры общества. Различные политические силы, как официальные, так и не официальные, осознавали сложившуюся ситуацию и выдвигали собственные траектории ее улучшения. Социально-экономическая характеристика жизнедеятельности пожилых людей в России того периода свидетельствовала об их тяжелом положении. Привычного современным представителям старшего поколения пенсионного обеспечения со стороны государства в начале прошлого века еще не существовало. Необходимость его введения была сформулирована в программе РСДРП, принятой Вторым съездом партии в 1903 году. Шестая (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП 1912 года вновь подтвердила права пролетариата на социальное обеспечение и уточнила «страховые» случаи, среди которых наряду с увечьем, болезнью, потерей

кормильца присутствует старость (Андреев, 1974, с. 53). Тренд включения пожилых граждан в категорию нуждающихся распространяется на весь XX век и последующий период, что, с одной стороны, демонстрирует последовательность работы государства в направлении экономической поддержки социально уязвимых категорий граждан, с другой стороны, констатирует стабильность низкого социально-экономического положения третьевозрастной группы населения, потенциал которой не мог быть реализован в сложившихся экономических практиках.

Средняя продолжительность жизни населения в России в XX веке демонстрировала последовательный рост. В 1926–1927 гг. она была равна 38,4 года, в 1970–1971 гг. достигла 69 лет (для мужчин 64,5 года, для женщин – 73,5 года). С 70-х годов XX века общая средняя продолжительность жизни начинает стабилизироваться до наступления длительного кризисного периода 1990-х годов. С 2004 года начался устойчивый рост данного показателя и уже в 2023 году, согласно официальным данным, ОПЖ достигла рекордного значения в 73,41 года, что является максимальным показателем как минимум с 1920 года, а по оценкам Правительства РФ – за всю историю наблюдений в России. Однако в 2024 году она вновь снизилась и составила 72,84 года (рис. 1).

Особого внимания требует рост смертности в возрасте 50–60 лет. Число умерших на 1000 человек населения в возрасте 50–54 лет в 1974–1975 гг. равнялось 8,7; в 1980–1981 гг. – 10,8; в 1984–1985 гг. – 11,3 (Фролькис, 1988, с. 239). В результате мы констатируем увеличение количества пожилых людей, которые, тем не менее, по-прежнему оставались нуждающимися и зависели от родственников и/или государства. Учреждение Наркомата социального обеспечения РСФСР в 1917 году положило начало формированию данной системы, а в октябре 1918 года был издан закон, согласно которому временно нетрудоспособные работники, инвалиды, сироты и вдовы/вдовцы имели возможность получить материальное обеспечение (Коленкина, 2015, с. 634).

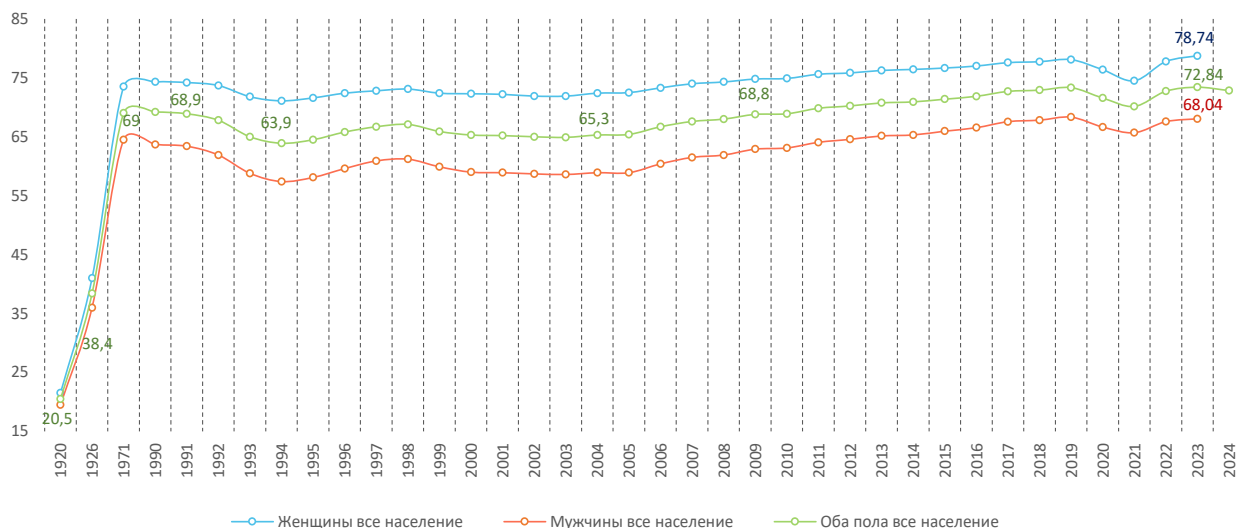

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России за период с 1920 по 2024 год, лет

Источник: данные Росстата.

Уже в 1920–1930-е годы стало прорабатываться законодательство, регулирующее выделение пенсионного обеспечения по старости в отдельный самостоятельный вид социального обеспечения. Социальное пенсионное обеспечение учреждено 5 января 1928 года постановлением Наркома труда СССР сначала для рабочих текстильной промышленности (Барбасова, 2009, с. 132), а затем и для трудящихся других отраслей промышленности: транспортной, энергетической, горной и металлургической. Немаловажным в этот период становится определение возраста, по достижению которого человек имел право на получение пенсионного обеспечения. Так, для мужчин была установлена граница в 60 лет, а для женщин – 55 лет, но, чтобы претендовать на пенсионные выплаты, необходимо иметь трудовой стаж не менее 25 лет вне зависимости от половой принадлежности.

В 1956 году был принят Закон «О государственных пенсиях», который подтверждал право граждан на получение пенсионного обеспечения по старости и потере трудоспособности, что также было отражено в Конституции СССР. В законе выделялось три вида государственной пенсии: обеспече-

ние по достижению пенсионного возраста (по старости); по инвалидности; в случае потери кормильца.

Также в 1956 году был выпущен нормативно-правовой акт «Положение о персональных пенсиях»⁴, который законодательно закрепил возможность получения персонального пенсионного обеспечения – каждый гражданин, внесший значительный вклад в развитие и строительство коммунизма на территории страны, имел право на персональное рассмотрение своих заслуг при назначении пенсии. Размер такого обеспечения варьировался в зависимости от степени достижений: союзного значения (если у гражданина есть заслуги в рамках всего СССР), республиканского значения (если гражданин имеет заслуги перед какой-либо из Советских республик), местного значения (за местные заслуги). В результате пожилые граждане могли улучшить свое социально-экономическое положение. Тем не менее число их было невелико, и подвластность государственной системе социального обеспечения подчеркивало традиционное зависимое положение. Последним этапом развития советской пенсионной системы явилась реформа 1990 года «О пенсионном

⁴ О пенсиях и пособиях членам колхозов: закон СССР от 15.07.1964 // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

обеспечении граждан в СССР», в которой декларировалось, что всем нетрудоспособным гражданам страны будет гарантировано материальное обеспечение путем предоставления пенсий, которые подразделялись на трудовые и социальные (Пудовкин, 2015, с. 221). Также в 1990 году был учрежден Пенсионный фонд СССР, основной задачей которого стало обеспечение финансирования расходов на выплаты пенсий в рамках новой реформы.

Подчеркнем, что в связи с запретом предпринимательской деятельности в советский период истории нашего государства пенсионерам формально приходилось жить только на легальные доходы, получаемые за счет пенсионных отчислений. В связи с этим экономические инициативы граждан, в том числе представителей старшего поколения, в официальной статистике не фиксировались. При этом в неформальном секторе экономики практики ведения подсобного и/или дачного хозяйства, ремесленничества и оказания услуг присутствовали.

Достижения в сфере медицинского обеспечения второй половины XX века, изменение условий труда, ориентированность на здоровый образ жизни позволили человекукратно приумножить продолжительность собственной жизни. Увеличение численности городского населения и трансформация социальных ролей, в том числе в семейной сфере, повлекло за собой сокращение рождаемости. Итогом отмеченных социально-экономических деформаций стало ошущимое старение населения в так называемых развитых и развивающихся странах. За период с 1950 по 2000 год количество людей пожилого возраста увеличилось с 205 млн до 600 млн человек и до сих пор продолжает расти (Пономарева, 2013, с. 58). Рост доли пожилых людей в структуре населения выступает одним из проявлений ее трансформации в процессе демографического перехода, который характеризуется сменой типа воспроизводства населения и снижением уровня рождаемости. Основными фактора-

ми смены типа воспроизводства принято считать социальные, экономические, психологические и иные изменения в обществе (Горбунов, 1986, с. 5).

На рубеже XX–XXI веков в подавляющем большинстве так называемых развитых стран наблюдается трансформация рынка труда – проблема профицита предложения сменилась ее дефицитом (Барсуков, 2020, с. 49). Глобальное демографическое старение становится необратимым, актуализировав проблему реализации второго демографического дивиденда (Lee, Mason, 2015, p. 35), базирующегося на личностном ресурсном потенциале представителей старшей возрастной группы. Данное обстоятельство вынуждало государства стимулировать занятость пожилых людей, реализацию политики по пролонгированию профессионально-трудовой активности граждан после выхода на пенсию.

Наше государство не входит в список «рекордсменов» по уровню старения населения. В 2013 году этот титул принадлежал Японии, где за порогом старости находится около трети населения. Очень высокие темпы старения наблюдались в странах Западной Европы и Скандинавии, а Россия занимала 17-е место с долей пожилого населения в 19%. Это можно объяснить тем, что Россия несколько позже вступила в фазу демографического перехода, которую уже довольно продолжительное время переживали все развитые страны⁵. Тем не менее исследования показывают отсутствие принципиальных различий по динамике старения населения в Европе и России. Европейские страны и РФ демонстрируют данные по приросту пожилого населения, что ускоряет и усложняет демографическую нагрузку на более молодые поколения. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, в 2031 году число иждивенцев составит 832 человека на 1000 человек населения трудоспособного возраста, причем две трети составят люди в возрасте 60 лет и старше (Шабунова, 2014, с. 7). Данные ежегодного статистического

⁵ World Population Ageing 2013. Available at: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/world-population-ageing-2013>

издания Росстата по народонаселению также свидетельствуют о значительном приросте пожилого населения в абсолютных и относительных числах. Численность граждан в возрасте 60 лет и старше в 2001 году составляла 14,8 млн человек, а в 2022 году достигла 33,6 млн⁶. По данным переписей населения, в период с 1926 по 2019 год преобладала тенденция роста доли населения старше трудоспособного возраста: с 8,6% в 1926 году до 15,4% в 1970 году, 18,5% в 1989 году, 20,5% в 2002 году и 25,8% в 2019 году. Однако в результате поэтапного повышения пенсионного возраста на законодательном уровне наблюдается значительное снижение пожилого населения как в абсолютных, так и относительных числах. Доля граждан старше трудоспособного возраста во всем населении страны в 2024 году составила 23,7%⁷ (рис. 2).

В половозрастной структуре населения России также можно заметить особенность, обусловленную историческими потрясениями прошлого столетия. Так, в структуре населения страны количество женщин преобладает над численностью мужчин. И, если в

молодежном возрасте наблюдается паритет, то чем выше становится возрастной диапазон, тем больше заметна разница в численности между мужчинами и женщинами⁸. Подобную разницу в численности мужчин и женщин старших возрастов, помимо влияния фактора Великой Отечественной войны, которая до сих пор оставляет след на демографической структуре России, особенно для людей старше 70 лет, можно объяснить экономическими факторами, поскольку мужчины имеют право выхода на пенсию позже женщин (60 лет для женщин и 65 для мужчин), соответственно им приходится выполнять свои трудовые обязанности дольше, что, несомненно, может и будет отражаться на физическом здоровье. Также, согласно статистике Росстата, относительно удельного веса мужчин и женщин, занятых во вредных и/или опасных условиях труда, например на 2021 год⁹, существует значительный перевес занятых мужчин на предприятиях по добыче полезных ископаемых, в строительных организациях, организациях по водоснабжению, водоотведению, утилизации отходов и ликвидации загрязнений. Фактор

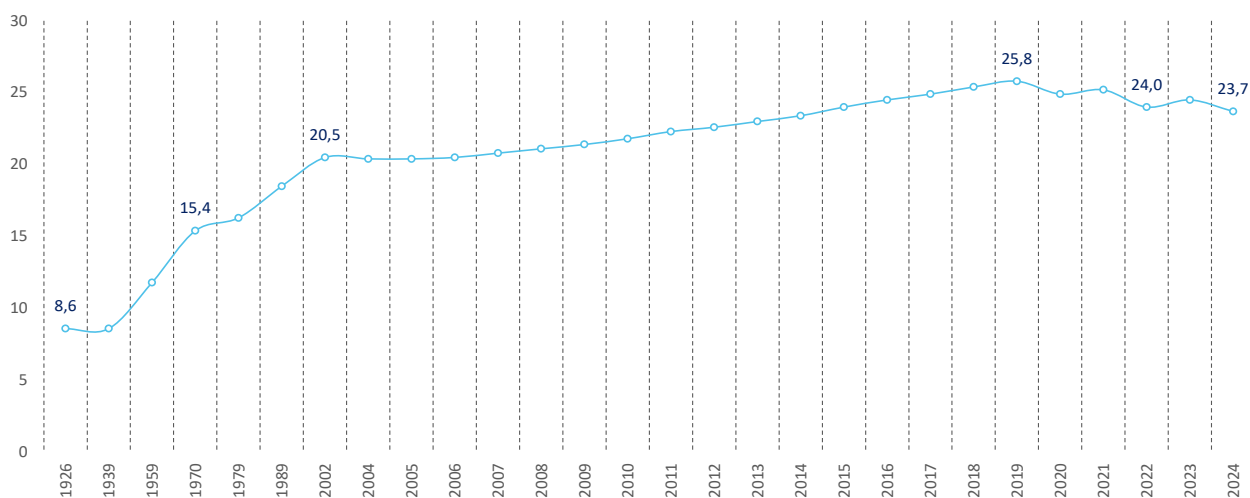

Рис. 2. Доля численности населения в возрасте старше трудоспособного во всем населении, %

Источник: данные Росстата.

⁶ Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. Москва: Росстат, 2022. 691 с.

⁷ Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // Росстат. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31293> (дата обращения: 20.08.2025).

⁸ Российский статистический ежегодник. 2022: стат. сб. Москва: Росстат, 2022. 691 с.

⁹ Удельный вес мужчин и женщин, занятых во вредных и (или) опасных условиях труда, на конец 2021 года // Росстат. 2022. URL: <https://16.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Удельный%20вес%20мужчин%20и%20женщин,%20занятых%20во%20вредных.pdf> (дата обращения 20.05.2025).

вредности условий труда негативно отражается на здоровье работника, особенно к пожилому возрасту, и, несмотря на существование определенных льгот, сокращает не только качество жизни, но и ее продолжительность (Карсакова и др., 2006, с. 29). Совокупность отмеченных факторов способствует повышенной смертности среди мужчин старших возрастных групп, что создает неравномерное распределение в половозрастной структуре населения России. Что касается структуры рабочей силы в России по возрасту и полу, то, по данным Росстата, за последние 10 лет численность пожилых граждан (60+), вовлеченных в трудовую деятельность, растет. Если в 2013 году этот показатель составлял 4,5%, то в 2023 году – 7,7% (мужчин в 2013 году – 4,5%, в 2023 году – 8,4%, женщин, соответственно, 4,7% в 2013 году и 7,0% в 2023 году)¹⁰. При учете полового распределения становится видно, что за подсчитываемый период доля мужчин интересующего нас возраста в структуре трудящегося населения по приросту опережает аналогичную долю среди женщин.

Еще одним значимым и показательным индикатором является средний возраст занятых, выраженный в годах. За последние годы прослеживается его возрастающая динамика. Так, в 2013 году средний возраст трудящегося был равен 40,3 года, а в 2023 году вырос до 42,2 года¹¹. Примечательно, что при рассмотрении данных с учетом полового признака можно отметить, что у мужчин и женщин этот показатель на протяжении всего периода примерно одинаковый.

Мировое сообщество отразило наличие проблемы демографического старения в Мадридском международном плане действий по проблемам старения¹², который был принят на второй Всемирной ассамблее по проблемам старения 12 апреля 2002 года. В нем большое значение уделялось теме старения населения в поле международных

обсуждений касательно развития и улучшения системы здравоохранения и повышения благосостояния для людей преклонного возраста, а также создания позитивной атмосферы и условий для существования пожилой группы населения в связи с наблюдающимся отголоском прошлых практик геронтоцида в виде современных практик «эйджизма» (Калабина, Газизова, 2021 с. 98).

Старение населения оказывает все большее влияние на общество и социальные институты, заставляет государство уделять этой проблеме все больше внимания. При этом благодаря росту доли пожилых людей создается возможность более активного их участия в социальных, экономических и политических процессах, что влечет за собой реформирование пенсионных систем, поскольку уже сейчас наблюдаются тенденции к увеличению нагрузки на систему из-за сокращения молодой рабочей силы и замещения ее более старшими людьми (Бурлака, 2009, с. 27). Сегодня заметны трансформации на трудовых и финансовых рынках, спрос на различные услуги и товары из социального и медицинского сектора возрастает. По мнению Т.А. Бараненковой, изменение численности граждан пожилого возраста в структуре населения приводит к изменениям в структуре и масштабе заболеваемости, что в свою очередь вызывает потребность в увеличении затрат на качественную медицинскую и социальную помощь (Бараненкова, 2017, с. 51). Результаты авторских межрегиональных исследований Е.В. Щаниной позволяют акцентировать внимание на том, что пожилые люди способны вносить значимый вклад в повышение качества своей жизни и жизни окружающих, а не только являются пассивными получателями пенсий, социальной и медицинской помощи (Щанина, 2021, с. 141). Следует отметить, что на реализацию потенциала пожилых людей направлена политика активного долголетия. Так, согласно

¹⁰ Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы): стат. сб. М.: Росстат, 2024. С. 19.

¹¹ Там же.

¹² Мадридский международный план действий по проблемам старения принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения 8–12 апреля 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml (дата обращения: 20.05.2025).

Рамочной стратегии активного долголетия, сформулированной в 2002 году Всемирной организацией здравоохранения, активное долголетие представляет собой процесс оптимизации возможностей в области здоровья, участия и безопасности с целью повысить качество жизни по мере старения; имеет три основных компонента: «здоровье», «участие» и «безопасность»¹⁵.

Россия не осталась в стороне от данного феномена: т. к. доля людей пожилого возраста относительно других возрастных когорт в ней постоянно растет, социальная и экономическая политика выстраивается с большой инициативой государства. Так, В.В. Путиным была затронута тема создания стратегии совместных действий в интересах пожилых людей¹⁴, необходимой для сохранения социального статуса граждан, выходящих на пенсию. Президент отметил, что ключевой задачей в данном направлении является решение проблемы, связанной с профессиональной и трудовой занятостью, поскольку это будет решать задачу по повышению уровня доходов в данной группе населения, что также позитивно скажется на уровне жизни людей пенсионного возраста, и, что немаловажно, создавать ощущение востребованности в обществе. Важными инструментами могут служить программы дополнительного образования, повышения квалификации, переобучения специальности, разработка программ по использованию компьютерных технологий и интернета, а также обучение финансовой грамотности. В настоящее время в России реализуется несколько национальных проектов, частью одного из них («Демография») является федеральный проект «Старшее поколение», назначение которого предусматривает выделение государственного финансирования на обучение лиц по-

жилого возраста (Кузнецова, 2020, с. 162). Также распоряжением Правительства РФ от 30.12.2018 № 3025-р была утверждена спецпрограмма по ежегодному обучению 75 тысяч граждан предпенсионного возраста для повышения конкурентоспособности лиц, вынужденных работать в результате увеличения порога пенсионного возраста¹⁵. Проблема старения населения России косвенно отразилась и в Концепции демографической политики РФ до 2025 года, в которой одной из главных задач заявляется повышение ожидаемой продолжительности жизни до уровня 75 лет¹⁶.

Современные исследования (М.Э. Елютиной, Ю.А. Семеновой, И.А. Григорьевой, О.А. Парферовой, А.В. Дмитриевой, О.Ю. Стрижицкой, М.Д. Петраш и др.), нормативные документы дают возможность констатировать формирование нового социологического взгляда на старость – переход от традиционного восприятия старости как времени, свободного от трудовых обязательств, а пожилых людей как финансовой нагрузки, к акценту на важность социально активного участия пожилых людей, к видению в них возможного, но пока недостаточно использованного ресурса развития (Елютина, 2025; Стрижицкая, 2022; Grigoryeva, 2021; Williams, 2005).

Выводы

Таким образом, рассмотрев динамику численности и социально-экономического положения пожилых людей в России, можно сделать следующие выводы и обобщения.

В средневековой Руси старость наступала в 50–60 лет, а средняя продолжительность жизни составляла 30–45 лет. Долгожители были редким исключением. Восприятие старости варьировалось в зависимости от социального статуса: духовные лица могли

¹⁵ Active Aging: A Policy Framework. Geneva: World Health Organisation, 2002. Available at: https://web.archive.org/web/20190726053505/https://www.who.int/ageing/publications/active_ageing/en/

¹⁴ Заседание президиума Госсовета по вопросам развития системы социальной защиты, г. Воронеж, 5 августа 2014 года. URL: <http://ria.ru/society/20140805/1018919448.html#ixzz3OnXEhkDT> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.12.2018 № 3025-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201812310070> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁶ Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 года № 1351. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/konceptiya/konceptiya25.html> (дата обращения: 20.05.2025).

считаться старыми в 60–70 лет, тогда как для светской элиты старость наступала раньше из-за болезней и физических нагрузок. Социально-экономическое положение пожилых людей было тяжелым: они зависели от родственников, церкви или монастырей, а их возможности для трудовой деятельности ограничивались состоянием здоровья. В XVII–XVIII веках начали формироваться первые государственные институты социальной помощи (богадельни, указы о поддержке нуждающихся). В советский период пенсионная система стала всеобщей, но оставалась дифференцированной: привилегированные группы (госслужащие, военные) получали более высокие пенсии, тогда как большинство пожилых людей (особенно в сельской местности) продолжали зависеть от семьи. К концу XX века пенсионная система СССР охватила все слои населения, но ее эффективность снижалась из-за экономических кризисов.

В настоящее время Россия переживает процесс старения населения: доля людей старше 60 лет выросла с 14,8 млн человек в 2001 году до 33,6 млн человек в 2022 году. Гендерный дисбаланс среди пожилых людей обусловлен более ранней смертностью мужчин из-за вредных условий труда, более

позднего выхода на пенсию и последствий исторических событий (например, Великой Отечественной войны). Увеличивается доля пожилых людей, продолжающих трудовую деятельность: с 4,5% в 2013 году до 7,7% в 2023 году. Это связано как с экономической необходимостью, так и с желанием оставаться социально активными.

Современная политика РФ направлена на повышение продолжительности жизни (цель – 75 лет) и интеграцию пожилых людей в экономику через программы переобучения, цифровой грамотности и поддержки занятости (например, проект «Старшее поколение»). Однако сохраняются проблемы: рост демографической нагрузки на трудоспособное население, недостаточная эффективность пенсионной системы, а также социальные стереотипы (эйджизм), ограничивающие возможности пожилых людей. Россия следует общемировым тенденциям старения, но с некоторым отставанием от стран Западной Европы и Японии. Мадридский международный план действий подчеркивает необходимость создания инклюзивной среды для пожилых людей, что отражается в российских инициативах, таких как обучение и повышение квалификации для предпенсионеров.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Т.И., Бужилова А.П. (1996). Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология // *Российская археология*. № 3. С. 58–72.
- Андреев В.С. (1974). Право социального обеспечения в СССР. М., С. 53–67.
- Бараненкова Т.А. (2017). Старение населения и его социально-экономические последствия // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. № 2.
- Барбасова С. (2009). Обзор государственной политики СССР в области пенсионного обеспечения граждан // *Вестник БИСТ*. № 4 (4).
- Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. (2020). Эволюция демографического и социального конструирования возраста «старости» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. № 1. С. 34–55.
- Бегунов Ю.К. (1964). «Слово иное» – новонайденное произведение русской публицистики XVI в. о борьбе Ивана III с землевладениями Церкви // *ТОДРЛ*. Т. 20. С. 351–364.
- Богданаш А.В. (2020). Половозрастная структура населения по материалам погребальных памятников эпохи энеолита Среднего Поволжья // *Самарский научный вестник*. Т. 9. № 4. С. 147–152.
- Бочаров В.В. (2017). Молодость и старость в традиционной русской культуре (о книге И.А. Григорьевой и др. «Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем») // *Социологические исследования*. № 1.
- Бурлака Н.П. (2009). Основные тенденции реформирования пенсионных систем в современном мире // *Российское предпринимательство*. Т. 10. № 5. С. 27–30.

- Водарский Я.Е., Кабузан В.М., Демкин А.В. (2013). Историческая география России, IX – начало XX века: территория, население, экономика: очерки. М., 299 с.
- Волотова М.Г. (2016). Экономические и семейные отношения в концептуальной системе домостроительства в поучительных текстах русского православия XI–XIX веков (на примере «Домостроя») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1-1 (55). С. 15–17.
- Горбунов В.К. (1986). Демографический переход в условиях индустриализации // Демографические процессы и их закономерности. М., С. 5–10.
- Гордин В.Э. (1988). Чем старость обеспечим. М., 157 с.
- Елютина М.Э., Семенова Ю.А. (2025). Старость в контексте возрастных переходов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. Т. 25. № 1. С. 4–11. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11
- Зимин А.А. (1971). Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // Исторические записки. Т. 87. С. 219–286.
- Каштанов С.М. (1967). Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI в. Москва. С. 21–238.
- Калабина Е.Г., Газизова М.Р. (2021). Эйджизм: Основные направления исследований в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 56. С. 98–108.
- Карсакова Ю.Е., Тятенкова Н.Н., Хлякина О.В. (2006). Влияние условий труда на здоровье людей // Вестник Костромского государственного университета. С. 29–32.
- Коленкина А.А. (2015). Исторический аспект в изучении социальной защиты населения в России // Эпоха Науки. С. 634.
- Конявская Е.Л. (2007). Очерки по истории тверской литературы XIV–XV вв. Москва. 399 с.
- Кузнецова К.Н. (2020). К вопросу о занятости лиц пожилого возраста в РФ // Ex jure. № 4. С. 152–166.
- Кучкин В.А. (2013). Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. Т. 4. С. 6–73.
- Нагорнова А.Ю. (2016). Ретроспективный анализ социальной помощи пожилым людям в России // Пожилые люди: стратегии социальной помощи: коллективная монография. Ульяновск.
- Пономарева Н.Н. (2013). Процесс демографического старения: сущность, особенности и последствия в странах мира // Вестник НГПУ. № 6 (16). С. 58–65.
- Пудовкин А.В. (2015). Анализ системы пенсионного обеспечения в СССР // Вестник МГИМО Университета. С. 217–223.
- Размахов К.Е. (2019). Вече в механизме Древнерусского государства X – начала XIII века // Труды Академии управления МВД России. № 4 (52).
- Смирнова Т.В. (2012). Социальный статус пожилых людей: социологический анализ // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1-1.
- Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. (2022). Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // Консультативная психология и психотерапия. Т. 30. № 1 (115). С. 8–28.
- Ткачев В.Н. (2024). Динамика численности населения Древнерусского государства (конец IX – начало XIII века) // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». № 10 (76). С. 5–9.
- Урланис Б.Ц. (1941). Рост населения в Европе (опыт исчисления). Москва. 436 с.
- Усачев А.С. (2014). «Старость глубокая» в XIV–XVI вв.: демографические реалии и их восприятие современниками (на материале письменных источников) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 1 (55). С. 58–68
- Фирсов М.В. (1999). История социальной работы в России. Москва. 246 с.
- Фролькис В.В. (1988). Старение и увеличение продолжительности жизни. Ленинград. 239 с.
- Хохлов А.А. (2010). Демографические процессы в северной половине Волго-Уралья в эпохе энеолита и бронзы // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург, Самара, Донецк. С. 320–355.
- Чернов С.З. (2009). О комплексных методах в русской средневековой археологии // Средние века. Москва. Вып. 70 (3).

- Шабунова А.А. (2014). Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. № 2 (70). С. 7–17.
- Щанина Е.В. (2021). Практики поведения пожилых людей, направленные на повышение своего благосостояния, в современном российском обществе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2. С. 138–161. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702>
- Яковлев А.И. (1943). Холопство и холопы в московском государстве XVII века. Т. 1. Москва; Ленинград. 564 с.
- Grigoryeva I.A., Parfenova O.A., Dmitrieva A.V. (2021). Social policy for older people in the post-Soviet space: How do pension systems and social services influence social exclusion? In: *Social Exclusion in Later Life. Interdisciplinary and Policy Perspectives*. Cham: Springer.
- Lee R., Mason A. (2015). Population aging, wealth, and economic growth: Demographic dividends and public policy. *WESS Background Paper*.
- Lowmiański H. (1953). *Podstawy Gospodarcze Formowania Się Państw Siowiańskich*. Warszawa.
- McEvedy C., Jones R. (1978). *Atlas of World Population History*. Penguin Books Ltd. and Allen Lane.
- Russell J.C. (1958). Late ancient and medieval population. *Transactions of the American Philosophical Society. New Series*, 48(3).
- Williams A. (2005). An aging population – burden or blessing? *Value in Health*, 8(4), 447–450. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1524-4733.2005.00034.x>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлия Александровна Семенова – кандидат социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83; e-mail: semenofa@gmail.com)

Екатерина Владимировна Щанина – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры, Институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84; e-mail: shchanina@mail.ru)

Semenova J.A., Shchanina E.V.

TRANSFORMATION OF THE SOCIO-ECONOMIC STATUS OF OLDER PEOPLE FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE

Population aging is exerting an increasing influence on society and social institutions, prompting the state to pay growing attention to this issue. The article examines the dynamics of the number and socio-economic position of older people in Russia from ancient times to the present day. The methods employed include historical analysis – the study of archival data, literary sources, and scholarly publications; demographic analysis – processing of statistical data on population size and age structure; a sociological approach – analysis of the social roles and status of older people in different historical periods; and a comparative method – comparing data on Russia with international trends. These methods made it possible to analyze the historical, demographic, and social factors influencing the changing status and role of the older generation in society. It has been established that over the centuries, not only has the concept of old age been transformed, but also its perception by society as a whole. An analysis of the socio-economic position of the older generation reveals its complexity and dependence on a number of factors that at times limited older people even in their basic needs (most often, the elderly were dependent on their children or other relatives, lacked means of subsistence, and faced limited employment opportunities due to

health conditions). Particular attention is paid to the transformation of the social support system, contemporary challenges associated with population aging, and state measures to adapt to these changes. The findings of the study may be useful for developing social policy and support programs for older people.

Population aging, socio-economic status, pension system, demographic changes, historical analysis, social policy.

REFERENCES

- Alekseeva T.I., Buzhilova A.P. (1996). The population of ancient Russian cities according to anthropology: Origin, paleodemography, paleoecology. *Rossiiskaya arkheologiya*, 3, 58–72 (in Russian).
- Andreev V.S. (1974). *Pravo sotsial'nogo obespecheniya v SSSR* [The Right of Social Security in the USSR]. Moscow.
- Baranenkova T.A. (2017). Population aging and its socio-economic consequences. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2 (in Russian).
- Barbasova S. (2009). Review of the state policy of the USSR in the field of pension provision for citizens. *Vestnik BIST*, 4(4) (in Russian).
- Barsukov V.N., Kalachikova O.N. (2020). The evolution of demographic and social construction of the age of “old age”. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*=*Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1, 34–55 (in Russian).
- Begunov Yu.K. (1964). “Slovo inoye” – a newly discovered work of Russian journalism of the 16th century about the struggle of Ivan III with the land holdings of the Church. *TODRL*, 20, 351–364 (in Russian).
- Bocharov V.V. (2017). Youth and old age in traditional Russian culture (about the book by I.A. Grigoryeva et al. “The Elderly in Modern Russia: Between Employment, Education and Health”). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1 (in Russian).
- Bogdanash A.V. (2020). The gender and age structure of the population based on the materials of burial monuments of the Eneolithic era of the Middle Volga region. *Samarskii nauchnyi vestnik*, 9(4), 147–152 (in Russian).
- Burlaka N.P. (2009). The main trends in pension system reform in the modern world. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, 10(5), 27–30 (in Russian).
- Chernov S.Z. (2009). On complex methods in Russian medieval archaeology. *Srednie veka. Moskva*, 70(3) (in Russian).
- Elyutina M.E., Semenova Yu.A. (2025). Old age in the context of age transitions. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*=*Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politicalogy*, 25(1), 4–11. DOI: 10.18500/1818-9601-2025-25-1-4-11 (in Russian).
- Firsov M.V. (1999). *Istoriya sotsial'noi raboty v Rossii* [The History of Social Work in Russia]. Moscow.
- Frolkis V.V. (1988). *Starenie i uvelichenie prodolzhitel'nosti zhizni* [Aging and Increasing Life Expectancy]. Leningrad.
- Gorbunov V.K. (1986). Demographic transition in the context of industrialization. In: *Demograficheskie protsessy i ikh zakonornosti* [Demographic Processes and Their Patterns]. Moscow (in Russian).
- Gordin V.E. (1988). *Chem starost' obespechim* [How to Provide for One's Living in Old Age]. Moscow.
- Grigoryeva I.A., Parfenova O.A., Dmitrieva A.V. (2021). Social policy for older people in the post-Soviet space: How do pension systems and social services influence social exclusion? In: *Social Exclusion in Later Life. Interdisciplinary and Policy Perspectives*. Cham: Springer.
- Kalabina E.G., Gazizova M.R. (2021). Ageism: The main directions of research in modern conditions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, 56, 98–108 (in Russian).
- Karsakova Yu.E., Tyatenkova N.N., Khlyakina O.V. (2006). The impact of working conditions on human health. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 29–32 (in Russian).
- Kashtanov S.M. (1967). *Sotsial'no-politicheskaya istoriya Rossii kontsa XV – pervoi poloviny XVI v.* [Socio-Political History of Russia at the End of the 15th – the first half of the 16th century]. Moscow.
- Khokhlov A.A. (2010). Demographic processes in the northern half of the Volga-Urals in the Chalcolithic and Bronze Age. In: *Koni, kolesnitsy i kolesnichie stepei Evrazii* [Horses, Chariots and Charioteers of the Eurasian Steppes]. Yekaterinburg, Samara, Donetsk. (in Russian).

- Kolenkina A.A. (2015). The historical aspect in the study of social protection of the population in Russia. In: *Epokha Nauki* [The Age of Science] (in Russian).
- Konyavskaya E.L. (2007). *Ocherki po istorii tverskoi literatury XIV–XV vv.* [Essays on the History of Tver Literature of the 14th–15th Centuries]. Moscow.
- Kuchkin V.A. (2013). The Moscow Rurikovichi (genealogy and demography). *Istoricheskii vestnik*, 4, 6–73 (in Russian).
- Kuznetsova K.N. (2020). On the issue of employment of the elderly in the Russian Federation. *Ex jure*, 4, 152–166 (in Russian).
- Lee R., Mason A. (2015). Population aging, wealth, and economic growth: Demographic dividends and public policy. *WESS Background Paper*.
- Lowmiański H. (1953). *Podstawy Gospodarcze Formowania Się Państw Siowiańskich*. Warszawa.
- McEvedy C., Jones R. (1978). *Atlas of World Population History*. Penguin Books Ltd. and Allen Lane.
- Nagornova A.Yu. (2016). A retrospective analysis of social assistance for the elderly in Russia. In: *Pozhilye lyudi: strategii sotsial'noi pomoshchi: kollektivnaya monografiya* [Elderly People: Strategies of Social Assistance: A Collective Monograph]. Ulyanovsk (in Russian).
- Ponomareva N.N. (2013). The process of demographic aging: The essence, features and consequences in the countries of the world. *Vestnik NGPU*, 6(16). 58–65 (in Russian).
- Pudovkin A.V. (2015). Analysis of the pension system in the USSR. *Vestnik MGIMO Universiteta*, 217–223 (in Russian).
- Razmakhov K.E. (2019). The Veche in the mechanism of the Ancient Russian State of the 10th – early 13th century. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 4(52) (in Russian).
- Russell J.C. (1958). Late ancient and medieval population. *Transactions of the American Philosophical Society. New Series*, 48(3).
- Shabunova A.A. (2014). Social development and modern demographic challenges. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(70), 7–17 (in Russian).
- Shchanina E.V. (2021). Behavioral practices of senior citizens aimed at improving their well-being in contemporary Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ehkonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2, 138–161. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1702> (in Russian).
- Smirnova T.V. (2012). The social status of the elderly: A sociological analysis. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 1-1 (in Russian).
- Strizhitskaya O.Yu., Petrash M.D. (2022). Constructing a productive old age: Biological, psychological and environmental factors. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*, 30(1)(115), 8–28 (in Russian).
- Tkachev V.N. (2024). The dynamics of the population of the Ancient Russian state (the end of the 9th – beginning of the 13th century). *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya "Istoricheskaya demografiya"*, 10(76), 5–9 (in Russian).
- Urlanis B.Ts. (1941). *Rost naseleniya v Evrope (opyt ischisleniya)* [Population Growth in Europe (Calculation Experience)]. Moscow.
- Usachev A.S. (2014). “Deep old age” in the 14th–16th centuries: Demographic realities and their perception by contemporaries (based on written sources). *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*, 1(55), 58–68 (in Russian).
- Vodarsky Ya.E., Kabuzan V.M., Demkin A.V. (2013). *Istoricheskaya geografiya Rossii, IX – nachalo XX veka: territoriya, naselenie, ehkonomika: ocherki* [Historical Geography of Russia, 9th – Early 20th Century: Territory, Population, Economy: Essays]. Moscow.
- Volotova M.G. (2016). Economic and family relations in the conceptual system of house building in the instructive texts of Russian Orthodoxy of the 11th–19th centuries (on the example of “Domostroy” (“Domestic Order”). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1-1(55), 15–17 (in Russian).
- Williams A. (2005). An aging population – burden or blessing? *Value in Health*, 8(4), 447–450. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1524-4733.2005.00034.x>
- Yakovlev A.I. (1943). *Kholopstvo i kholopy v moskovskom gosudarstve XVII veka. T. 1* [Serfdom and Serfs in the Moscow State of the 17th Century. Vol. 1]. Moscow; Leningrad.
- Zimin A.A. (1971). The clerical apparatus in Russia in the second half of the 15th – first third of the 16th century. *Istoricheskie zapiski*, 87, 219–286 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Julia A. Semenova – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Saratov State University (83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation; e-mail: semenofa@gmail.com)

Ekaterina V. Shchanina – Doctor of Sciences (Sociology), Associate Professor, professor of department, Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, Vernadsky Avenue, Moscow, Russian Federation; e-mail: shchanina@mail.ru)